

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

19 СЕНТЯБРЯ 1923 года газета «Юношеская правда» опубликовала фельетон восемнадцатилетнего М. Шолохова «Испытание». Следом появился второй фельетон — «Три», а весной следующего года в той же газете, переименованной в «Молодой ленинец», напечатан был фельетон «Ревизор». Это была пока еще проба пера, но она уже содержала зачатки на овладение жизненным материалом, показывала направленность и некоторые особенности мышления будущего писателя. Он опирался на злободневные факты, подмечал — и довольно метко — черты характера партийцев, комсомольцев, а с другой стороны — отбросов старого общества, ухватистых приспособленцев, напмана, перерожденца.

Таким было начало. Но Шолохов рос стремительно, от шуточных историй он переходит к остродраматическим событиям, в рассказах проявляется свойственная ему, как он определит после, «потребность изобразить явление в более широких связях — написать так, чтобы рассказанное вызвало в читателе и думу». А. Серафимович в 1926 году имел все основания сказать о «Донских рассказах»: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды...».

Восторженное отношение к Шолохову стало сразу же складываться и у читателей, особенно после начала публикации «Тихого Дона». Приходилось наблюдать, как в ряду корифеев литературы зазвучало новое имя.

Книги Шолохова переходили из рук в руки. А когда «Тихий Дон» и «Поднятая целина» были представлены в театре, кино, опере, то зрители и слушатели каждый раз воспринимали это как победу нашего искусства.

Не было случая, чтобы кто-нибудь из читателей сказал, что он не все понял в романе Шолохова, что какие-то страницы скучны, трудно воспринимаемы. А писать трудно в то время «умели» некоторые литераторы, так что к тексту иной раз не подступиться: фразы раздерганы, слова изобретены по неизвестному способу.

Не было также, чтобы кто-то усомнился в достоверности шолоховских картин, образов, деталей. А ведь многие из первых читателей знали старую Россию, как вчерашний день, видели стражников и становых, купцов и крупных землевладельцев, царских генералов и губернаторские чины. Иные прошли через дознание, тюрьмы, побывали в ссылках, участвовали в мировой войне, были на фронтах гражданской. Знали они и послевоенную страну — сами создавали Советы, боролись с кулачеством, бандитами, создавали коллективные хозяйства. Судить о том, насколько правдивы и достоверны шолоховские картины, они могли с полным основанием. Я бы даже сказал, что очень строгими критиками были те читатели. Но отзывались только так: крепко пишет!.. Чистая правда от начала до конца... Люди, как живые, стоят перед глазами... Хорошо знает тыл и фронт, стариков и молодых, русских и немцев, красных и белых...

В 1940 году, когда появилась в печати и передавалась по радио финальная часть

«Тихого Дона», одна читательница писала: «Быт и характер казачества в прошлом, трагическая фигура Мелехова, чудные картины природы, красота тихого Дона — все, все захватывает, и хочется слушать без конца, несмотря на поздний час... Побольше бы таких глубоких, талантливых книг!».

А вот из другого письма: «Весь этот месяц я жила и думала думами Григория... Мне трудно писать. Одно лишь могу сказать: насколько сложно в жизни все. «Тихий Дон» — исключительное произведение. Оно глубоко доходит до сердца, так же, как «Война и мир».

Разве это не служит на-

дательская роль искусства, оно воссоздавало усложнившиеся за годы войны и революции общественные отношения, мир души. Писатель в большей мере, чем это было раньше в советской литературе, становился социологом, историком, психологом, этнографом, знатоком быта, народной речи со всеми ее социальными, профессиональными и территориальными особенностями.

«В наше время, — писал тогда А. Воронский, — равновесие между художником и средой, очевидно, заключается в том, чтобы соединить остроиндивидуальное восприятие жизни с чувством прочной данности мира. Мир

ду, вербует наемников. Полковцы, льявские и островские ныне делают все возможное, чтобы свернуть народы с пути мира и социализма, осуществлять акции тем же кровавым способом, который применял сардист Половец. Шолохов на русском примере учит распознавать пути и перепутья сил реакции, всю эту мимирию, подворотни и лазейки, зовет к активной защите революционных завоеваний.

Шолохов обогатил наше искусство в его самом существенном и так необходимом теперь для нас содержании — дал убедительное без риторичности и скучности представление о

По моим родным степям идет канал Волго-Дон, создается громадная оросительная система.

Грандиозными стройками большевики преобразуют лик всей советской земли. Радостно жить и творить, будучи сыном такой великой Родины, такой великой партии».

Шолохов, художественно исследовавший три войны, развязанные империалистами, — первую мировую, гражданскую, Отечественную 1941 — 1945 годов, — показал, чего стоят для человечества войны, какие неизгладимые следы оставляют они — жертвы, пепелища, голод, вдовы и детские слезы. Вспомним «Судьбу человека» — то горе, которое постигло Соколова и мальчика Ванюшу, оставшихся без семей и родных.

Но зловещие итоги тотального истребления людей, которые принесла минувшая война, меньше всего беспокоят некоторых политических деятелей, они предпочитают решать межгосударственные отношения гитлеровским способом.

Если раньше М. Шолохов разоблачал взбесившийся нацизм, то впоследствии он с той же непримиримостью сражается с новым агрессором, выставляет на суд чести и совести «атомщиков», воздает по заслугам растленным писакам — этим «политическим пройдохам, клеветникам, явным жуликам и путаникам, единственной целью которых является служение богу — доллару».

Статьи писателя «Слово о Родине», «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов!» — бюллетень в цель художественная публицистика, велик и современен ее смысл, выражение любви к честным людям земли и жгучей ненависти — к угрюмым врагам человечества, «готовым спалить весь мир».

Вполне современно звучат шолоховские слова, сказанные тридцать четыре года назад: «Американские и английские фабриканты оружия жаждут непрерывных войн, порождающих для них самих и для их семей не слезы и не страдания, а неиссякаемые источники доходов. И вот уже приведены в действие явные и скрытые пружины, толкающие народы к новой войне, изобретаются чудовищные средства истребления миллионов людей, расходятся на вооружение армий миллиарды долларов, принадлежащих массам трудового народа, заключаются направленные против нашей страны и стран народной демократии агрессивные пакты, создаются многочисленные военно-воздушные базы, через протестированную дотла печать и через продажное радио разжигается военная истерия...».

Писатель призывает к тому, чтобы человечество не забывало кровавых уроков прошлого, не давало себя обмануть, не верило ханжам, которые тратят «час на фарисейскую молитву, а десять — на подготовку новой мировой войны».

Шолохов сказал: «Я хотел бы, чтоб мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив».

Оценивая ныне его творческий подвиг, мы можем с благодарностью сказать: ему это удалось вполне.

Ф. БИРЮКОВ,
профессор, доктор
филологических наук.

К 60-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. А. ШОЛОХОВА

С ДУМОЙ О СУДЬБАХ НАРОДНЫХ

глядным доказательством ложности элитарных теорий искусства, когда пытаются доказать, будто оно существует лишь для избранных!

Шолохова поняли, приняли, полюбили. Будь это рабочий, ученый, офицер, солдат, министр, зоотехник, учитель, школьник — всем он необходим, близок, всех волнует, приносит радость познания и эстетического наслаждения. Больше того. В последние десятилетия мы стали свидетелями возрастающего влияния Шолохова на умы и чувства людей у нас и за рубежом, при этом на всех континентах мира.

Объяснить это нетрудно. Творчество Шолохова — великая, необходимая современному миру правда века, летопись истории, народных судеб в переломные годы. Для выражения объемного содержания требовалось слово искреннее, внушительное, живописное, по-народному сильное. И Шолохов его нашел. В новаторски разработанной системе его изобразительных приемов во многом по-новому открылись возможности реализма. С исключительной глубиной предстали действительная жизнь, народность, историзм — те первоосновы искусства, без которых нет всеобъемлющей правды. Он создал величайший опыт социальной борьбы, которой сопутствовали не только триумфальные победы, но и где-то временные поражения, тактические отступления.

Шолохову одинаково доступно изображение и человека, и событий, сложных проблем политики и быта. Он обладает исключительной способностью познать внутренний мир людей. Как стилист он неповторим, шолоховское узнается по одной фразе — отбору слов, тоналности, внушительности, живописи. Следовательно, надо говорить о качественной стороне реализма Шолохова, которая сразу привлекала и привлекает к нему миллионы читателей.

Вопрос о качественной стороне литературы резко встал как раз в середине двадцатых годов — о всестороннем, свободном от схематизма изображении действительности и прежде всего человека новой эпохи, о философском осмыслении жизни, широте эмпирических наблюдений, создании монументальных форм, типических образов. Усиливалась иссле-

должен на наших глазах в произведениях искусства жить своей, ему лишь свойственной жизнью, иметь свою душу, свою сущность, свое тело, отделяться от наших личных состояний. Нас то и дело обманывают сейчас. Вместо этого мира дают свои впечатления о нем, свои субъективные мирки; за ними мы не чувствуем самостоятельной действительности, а нам нужны не эти мирки, а вся Вселенная...».

Жизнь подсказывала, что необходимо все время учиться у классиков, по достоинству оценить прогрессивное в их взглядах, демократизм, высокое представление о назначении литературы, величавую простоту, образность, искусство эмоционального воздействия.

Требовалось преодолеть ходульную «агитационность», проходную риторику, прижившиеся шаблоны в построении сюжета, изображении характеров и в стилистике.

Этой жизненной потребности нашего искусства в наибольшей мере соответствовало творчество Шолохова. Уже в пору создания «Донских рассказов» его возмущала литературщина.

Познание жизни в представлении Шолохова — процесс активный, творческий, в котором обязательно проявляются страстная заинтересованность наблюдателя, личное участие, энтузиазм в борьбе за коммунистические идеалы. Творческие работники — вдохновители народа на трудовые и ратные подвиги, они должны пробуждать высокие гражданские чувства, воспитывать нравственность. Поэтому все произведения Шолохова проблемны. И сами по себе проблемы — общенародного и эпического содержания.

Конфронтация общественных сил, изображенная в его романах, — это не только историческая коллизия, которую знала, пережила, преодолела наша страна, но и сегодняшний день на политической карте мира, когда в целом ряде стран разгорается борьба прогрессивного лагеря с темными силами реакции.

Социальный конфликт — показывает Шолохов — процесс затаенный, ожесточенный. Враг, обреченный историей, не сдает позиций без боя. Он хитер и изворотлив, умеет маскироваться, пускает в ход шпионаж, террор, диверсии, лживую пропаган-

положительном, о ведущих и побеждающих тенденциях в нашей действительности, о новом человеке. Этот герой воспринимается ныне как наш современник, борец неодолимой воли и огневой страсти, до конца преданный ленинскому знамени, Отчизне, социализму. Давыдова, Нагульнова, Разметнова, Найденова, Кондратько, Нестеренко, Майданикова, Ушакова, Любишкина, Варю Харламову из «Поднятой целины» легко представить себе как фронтовиков в битве с фашизмом, как строителей на БАМе и «Атоммаше», как энтузиастов, которых волнуют ныне ускоренное развитие экономического потенциала страны, культура труда, воспитание в юношах благородного отношения к земле и вообще к трудовому опыту отцов и дедов, высокая духовная содержательность жизни.

Исполнитель роли Давыдова в кинофильме «Поднятая целина» Петр Чернов рассказывает: когда он был на новостройках Татарии, его приветствовали: «Здравствуйте, товарищ Давыдов», «часто просили помочь разобратся в спорах и конфликтах, в организационных делах, выступить на партсобрании, восстановить справедливость. И была в людях такая неподдельная вера в Давыдова, в его партийную совесть, вера в то, что он свой, необходимый, живой, что я понимал: отождествление меня с Семеном не комплимент актерскому умению перевоплотиться. Это признание победы всемогущего реализма Шолохова, чутко уловившего объективную закономерность появления в нашей жизни такого характера. Я видел, как нужен человеку «свой Давыдов», причем не только рядом, но и внутри каждого из нас. Быть хоть в чем-то похожим на Семена Давыдова — стимул, мечта, цель!».

В 1950 году, когда заканчивалось первое пятидесятилетие века и начиналось второе, М. Шолохов, поздравляя соотечественников с Новым годом, выражал надежду:

«Будет ясная заря у всего человечества. Будет утро с чистым небосклоном... Проснется мать, проснется дитя в колыбели, — и никто не вспомнит и не подумает о том, что когда-то были на свете макартуры, трумэны...